

Всё пришло к тому, что я предал Айкаву-сан и Химэ-тян. Но что тут вообще происходит? Точнее, очевидно, что для меня это уловка, которая вытащит меня из сложившейся ситуации без единой пролитой капли крови, но «сейчас», когда я тащусь по совершенно не знакомому мне зданию школы вместе с Сиоги и веду её к укрытию Айкавы-сан, всё дошло до состояния частичной готовности к возможной резне.

То есть в настоящий момент у меня есть два варианта: я могу начать убегать от Сиоги или привести её к кабинету директора, куда убежала Химэ-тян и где пребывает Айкава-сан. Если я захочу их предать, то я смогу это сделать, а если я захочу заступиться за них, то я заступлюсь за них. Передо мной был абсолютно двоичный выбор.

Хотя говорят—

— Изменится ли исход независимо от моего выбора?

— Ты что-то сказал?

— Нет, я ничего не говорил.

— А ты точно уверен, что они в этом здании? Мне показалось, что Юкарики убежала в другом направлении.

— Это была хитрость. Химэ-тян знала, что я вот-вот одурачу её.

— Хм... понятно.

Факт того, что я так много болтаю, хотя и так более чем очевидно, что будет дальше, был связан с Сиоги. Я смог сгладить её острые углы и убедить её присоединиться ко мне, но с того момента её манера речи была до одури формальной. Мы были незнакомцами, так что, наверно, этого и следовало ожидать, но что-то в этом казалось неестественным.

И стоял ещё вопрос, касающийся Тамамо. Тамамо, жестокой убитой и потом применённой как инструмент. Сейчас я шёл вместе с человеком, которая так воспользовалась ей. Не то чтобы я в будущем запал бы на Тамамо или типа того, но всё же.

А убийство Директора? Можно ли предположить, что именно Сиоги убила её? По крайней мере, тогда у меня были вопросы. Ноа Оригами, которую, как и Тамамо, — нет, ещё хуже, чем Тамамо, — расчленили, а её голову повесили на потолок. Если это тактик забунтовала тогда, то можно ли считать, что Сиоги Хагихара, идущая бок о бок со мной, притворяется дурочкой? Знает ли она, тактик, вообще всё и просто молчит? Я не уверен в этом.

Фух. Я устал думать. Всё это та ещё заноза в заднице. Может, мне стоит просто пойти и стать предателем? Мы с Сиоги вроде можем стать друзьями, а бой с Айкавой-сан как идея звучит интересно. Союзник или враг, Айкава-сан всё равно будет восприниматься примерно так же. А волосы у Сиоги были весьма красивые. Интересно, разозлится лиона, если я коснусь их?

— На что ты уставился? Это неприлично.

Сиоги остановилась и недвусмысленно смотрела на меня. Похоже, она учуяла мою жажду крови (если дело в этом). Мне не хотелось испортить её впечатление обо мне. Начинания —

часть любых отношений.

— Ни на что, извини. Вообще ни на что.

— Правда?

— Правда. Понимаешь, Сиоги...

Я почти сказал: «У тебя очень красивые волосы,» — но вовремя остановился. Речь тут шла о Сиоги, а она наверняка так часто слышит этот комплимент, что ей уже тошно от него. В таком случае было вполне возможно, что она проигнорирует меня, а ещё возможно, что она решит, что я зря занимаю место. То есть мне нужно подойти к этому с другой стороны.

— Да?

— У тебя весьма большая грудь.

Внезапно Сиоги упала на спину и подняла ноги, как в каком-нибудь мультике.

Я впервые увидел, как кто-то делает так в реальной жизни.

Когда она встала, её лицо полностью покраснело, а она с укором смотрела на меня. Она продолжала открывать и закрывать рот, но ничего не говорила, но в итоге она сдалась и быстро пошла по коридору. Её красивые волосы развевались за ней. Хм, я облажался (но я хотя бы попытался).

Ну ладно. Сдаваться — тоже часть любых отношений.

— Я вспомнила, — сказала Сиоги, помолчав какое-то время, — что я всё ещё не знаю твоего настоящего имени. Неудобно не знать, как к тебе обращаться, так что мне хотелось бы, чтобы ты назвал мне своё имя, если тебе не трудно.

— Ах. Дело в том, что до этого момента я называл своё настоящее имя только—

Я.

Начал отвечать, спокойно выглянув в окно. Сейчас мы на втором этаже, то есть не очень высоко, и именно поэтому, именно поэтому я смог мельком увидеть Итихимэ Юкарики, неспешно идущую по саду между зданиями.

— ...

Что она там делала? Даже если здание администрации не было рядом... то зачем ей нужно прятаться здесь, вдалеке от цели? Она быстро заскочила под тень деревьев и пропала из виду, но сомнений в том, кто это был, нет никаких.

— Ты в порядке?

— О, эм... эм.

Она ведь из сомнений не могла снова вернуться? Только чтобы узнать, что мы больше не во внутреннем дворе? Она пыталась узнать, куда мы с Сиоги ушли?

Ну что за хрень. Она писец какая назойливая. Даже если Сиоги была права насчёт того, что я

притягиваю к себе чудаков, фриков и психопатов, то вряд ли кто стал бы так переживать из-за незнакомца. Я отчётливо сказал ей предоставить всё мне. Насколько ей нужно быть похожей на «неё», прежде чем утешиться, чёрт возьми... Я начал слегка заводиться.

— Я, эм, просто хотела узнать твоё имя.

— Точно. Моё имя... моё имя, моё имя...

Сиоги пока что не заметила Химэ-тян. Когда она её заметит, она наверняка выпрыгнет прямо из окна. У неё не было никакой причины видаться с Дзюн Айкавой. Химэ-тян тоже не заметила нас, иначе она бы вряд ли празднично шаталась там.

В таком случае... в таком случае пришла пора устраивать шарлатанство.

— Хорошо, давай сыграем в угадайку. — Я повернулся лицом к Сиоги так, чтобы моё тело скрывало окно. — Я дам тебе подсказки, а ты попытаешься угадать моё имя.

— О-о-о. Звучит весело. Мне нравятся такие игры. — Конечно, я не сказал ей, что такие игры я ненавижу. — А сколько у меня будет подсказок?

— Три. Ты можешь задать мне три вопроса. Ограничений нет, но просить меня назвать моё имя или типа того нельзя.

— Хм-м-м. Ладно, я согласна. — Сиоги стала размышлять.

Она с головой потонула в мыслях и совсем позабыла о Химэ-тян.

— Хорошо. Вопрос первый: назови мне все свои прозвища.

— Прозвища?

— Юкарики называла тебя «Мастером», а Убийственная Алая — «Ии-тан», ведь так? Я спрашиваю о таком.

— Понял. До сих пор меня называли «Мастером» и «Ии-тан», как ты уже знаешь, а ещё меня зовут «Ик-кун», «Большой И», «Ии-Бро», «Иино», «Иносукэ», «Носитель бессмыслицы» и «Шарлатан».

— Какие-то они до убогого нежные... То есть «И» — важная буква?

— Это один из твоих вопросов?

— Нет, просто думаю вслух. Но почему Юкарики называет тебя «Мастером»?

— Хороший вопрос... мне и самому узнать на него ответ. Может, потому что ноа ученица Носителя бессмыслицы?

— Хм... Неважно, а теперь следующий вопрос. Когда ты пишешь своё имя римскими буквами, то сколько в нём гласных и согласных?

Ничего себе. Хотя это и была диверсия для отвлечения внимания Сиоги от Химэ-тян, но я был слегка впечатлён. Она не стала разбрасываться вопросами, будучи тактиком. Было весьма умно прямо спросить, сколько букв в моём имени.

— Восемь гласных и семь согласных.

— Хм. Любопытно. И последний вопрос. Если перевести иероглифы катаканы из твоего имени в числа, где «а» равно единице, «и» — двойке, «у» — тройке... и «н» — сорока шести, то какая у них будет сумма?

Шах и мат. Чёрт, а шестерёнки у неё быстро крутятся.

— Сто тридцать четыре.

— Какое же странное тебе дали имя, — захихикала Сиоги.

— Кто знает? Может, это псевдоним, поскольку я горжусь тем, что я назвал своё настоящее имя только одному человеку.

— Вот как?

— Да. Хотя и ты думаешь в верном направлении, но тебе лучше не называть меня по имени. Только трое сделали это, и никто из них не выжил.

— Только... трое?

— Первой была Харукана Ии, моя младшая сестра. Она умерла во время столкновения двух самолётов. Вторая — Кунагиса Томо, моя подруга. Она жива, но не жива, мертва, но не мертва. А третьей была Магокоро Омокагэ. Она... ну, как бы так сказать? Всё её тело было песочницей для экспериментов, по итогу которых она сгорела заживо в огромном пожаре.

— Потому что она назвала тебя по имени?

— Думай, как хочешь... — Сказав это, я посмотрел в окно. Отлично, Химэ-тян ушла. Я не увидел ни единого её следа, который указал бы мне на то, что она где-то прячется. Наверно, у неё получилось без проблем уйти.

Что я делал? Я был в лимбо: я помог Химэ-тян уйти «на какое-то время», хотя я даже не решил, предам я её и Айкаву-сан или останусь с ними, но что, чёрт возьми, я буду делать сейчас? Настоящая загадка. И я ещё болтал с Сиоги о личном.

Выкопал сразу три неприятных воспоминания. То, о чём я так успердно пытался забыть.

Нет.

Кого я пытаюсь обмануть? Я не забыл их.

Мне не нужно было вспоминать об этом: они всегда были у меня на уме.

— О, точно, Прошу прощения. — Сиоги вытащила из нагрудного кармана такой же телефон, который носила и использовала Тамамо, похожий на рацию. — Ага, да. Сейчас исполняю следующий этап плана. Я заполучила «соучастника». Да, предоставьте всё это мне, сейчас я...

Отчёт? Двухнаправленность передачи информации важна, поэтому это точно было необходимо. Если солдаты на поле боя останутся со своими устройствами сами по себе, то война никогда не начнётся.

Но с кем она могла разговаривать, если Директор мертва? С членом администрации? Или

небезызвестной «Зигзаг»—

— Поняла, Диреткор. Конец связи, — сказала Сиоги в конце.

Обычно я позволял своему шоку отразиться на моём лице. Но внутри меня удивление так и бушевало. Зачем тебе подкидывать мне ещё больше пищи для размышлений? Что ты только что сказала и к кому ты, чёрт возьми, так обратилась?

Значило ли это, что кто-то ещё называет себя Директором? Хотя нет, этот разговор вполне мог оказаться постановкой, которую Сиоги разыграла передо мной, но зачем ей это делать?

Тогда выходит, что Сиоги не могла быть убийцей, ибо она не знала, что Директора убили. А если так подумать, то я без какого-либо основания решил, что именно она стояла за этим. Не были никаких улик, я просто подумал, что это могла быть она, поскольку Тамамо отрубили голову, как и Директору. Но теперь, думая об этом—

— Сиоги. Теперь моя очередь задавать вопрос... Это ты убила Тамамо Сайдзё?

— Что? — Её это искренне ошарашило. — С чего мне, Сиоги Хагихаре, убивать своего товарища?

— Я имел ввиду... её голова ведь лежала вот так на заднем дворе...

— Не глупи. Я так не умею. Только «Зигзаг» могла такое повернуть.

Ага. Кстати, раны на шеях Директора и Тамамо были отличались. Голова Директора была отрезана невероятно грубо, в то время как разрез на шее Тамамо был невероятно гладким. И это сделала «Зигзаг», о которой говорила Химэ-тян? Чудачка, способная сделать такое нитями, которые в моей голове можно было использовать только для сплетения верёвки, по которой можно спуститься—

— Глупо думать о том, что я бы убила своего товарища. Я воспользовалась головой, которую я нашла лежащей во внутреннем дворе, чтобы подловить тебя, вот и всё.

— ...

Я тоже не знаю, что и думать об этом. Наверно, так и бывает с «тактиками», но Сиоги будто недоставало условного человеческого сострадания. Это можно связать с каким-нибудь влиянием «Старшей школы висельников», но мне кажется, что с самой Сиоги может быть что-то не так.

Но именно из-за того, что она тактик, было неоспоримо то, что она никогда бы не убила своего товарища и снизила количество своих «пешек» без причины. Так же и игрок в сёги ни за что не будет игнорировать своих слонов, даже если они не особо полезны.

Другими словами, «Зигзаг» была полной противоположностью тактику, ближе к Тамамо, нежели к Сиоги. Берсерком, может быть?

Что это значило по отношению к загадке запертой комнаты и вопросу о расчленении? Судя по ранам, не «Зигзаг» убила Директора. Убийцей был кто-то другой. Я стал бы подозревать в этом Сиоги, но моё основание для подозрения крайне шаткое, если не она убила Тамамо. И не к чему подозревать в убийстве Директора Тамамо, поскольку она уже мертва.

Значит, убийцей всё-таки был член «администрации»? Кстати, меня очень сильно настораживало то, что никто из них до сих пор не высунулся. Если кто-то из них притворяется Директором и всё ещё управляет Сиоги и её отрядом, если тактиком Сиоги управляют, как марионеткой, подвесив её голову на верёвке...

Да ещё и втягивают в это меня, Сиоги, Химэ-тян, Тамамо и даже Дзюн Айкаву...

В нечто настолько глупое, как борьба за власть в стенах этой школы? В войну прокси? Во что-то, где нет даже отблеска надежды. Даже в самых диких грёзах убийцы. И убийца действительно считает, что ему всё сойдёт с рук?

Наверно, пора уже спустить этого кукловода с небес на землю.

— Ты в порядке? Ты с чего-то вдруг стал таким тихим.

— Да, всё нормально. Это моё хобби: внезапно замолкать. Кстати, Сиоги, можно мы поиграем ещё в одну игру? Ты вообще читаешь детективы?

— С чего бы? — наклонила от удивления голову Сиоги.

— Ну знаешь... чтобы убить время или для самообразования, или...

— Читать книги для самообразования... Катай Таяма писал: «Мы можем черпать из настоящих людей больше вдохновения, чем из книг.»

— Круто, что ты даже не цитируешь «Бросай читать...», но ты и вправду читала Таяму?

— Конечно. Разве его не читает каждый старшеклассник.

Определённо.

— Хорошо, тогда время викторины. А что касается сценария...

Не дав ей опять, что это всё-таки случилось (и, конечно же, не сказав ей, что мы с Химэ-тян были к этому причастны), я рассказал Сиоги всё об убийстве в запертой комнате и расчленение Директора. Об управляемой стальной двери, труп за ней, частях тела, отсечённой голове. На верхнем этаже, в комнате с двойными замками на окнах. И об односторонней вентиляционной шахте.

— Это довольно просто, — сказала Сиоги. — Не очень-то похоже на викторину.

— Просто, говоришь? — Конечно, я задал Сиоги этот вопрос не только с целью узнать её мнение, но и с целью понять, отреагирует ли она хоть как-то на это, цепляясь за возможность того, что именно она была убийцей. Но, как я вижу, её это не смутило. На её лице было лишь разочарованное выражение человека, надеявшегося на испытание. — Ладно, тогда слушаем ответ.

— Дверь никогда и не запирали, — ответила Сиоги так, будто это было наиболее очевидной вещью во всём мире. — Исходя из того, что ты сказал, предполагалось, что дверь с самого начала была закрыта, но при этом никто вообще не проверял это, да? Было просто предположено, что комната была закрыта, хотя это было не так.

Кто-то ведь уже говорил нечто подобное? Когда ты решаешь, что комната была заперта,

появляются два варианта: либо комната заперта, либо нет. Любопытно: если комната кажется запертой, то это ещё не значит, что она точно заперта. Какой избитый трюк.

В попытках прикрыть одну ложь другой первая ложь в итоге всплывает. Но если первая ложь была невероятной в своих масштабах, то её не нужно прикрывать ничем другим, не так ли? Если дверь была «просто закрыта» всё это время, а не заперта, то тогда кто угодно мог бы убить Директора. И это значит, что мы поспешили с выводами, решив, что комната была заперта—

— Нет, это не так.

Если бы тело нашли только мы с Химэ-тян, то я был без проблем принял вариант Сиоги как правильный. Но был там ещё кое-кто: Дзюн Айкава. Она ни за что не допустила бы такую примитивную ошибку.

— Неужели? Тогда да. Та комната могла и не быть местом преступления. После расчленения тела убийца бросил в ту комнату части тела из соседней комнаты через какой-то проход. Возможно, через вентиляционную шахту. Через неё, например, можно было бы привязать отрубленную голову к лампе, вообще не входя в комнату.

— Но вентиляционную шахту можно открыть лишь изнутри.

— Поэтому это условный пример. Даже если это сделали не через вентиляционную шахту, то убийца всё равно смог бы найти какой-нибудь проход, через который удалось бы просунуть расчленённый труп. Например, через мусоропровод или дренажную трубу.

— Не знаю...

— Или у него просто имелся мастер-ключ.

Для этого варианта тоже не требовалась ни смелость, ни надежда, ни мечты... хотя, наверно, как-то безумно искать подобное в умерщвлении человека.

Казалось, что это точно тупик. Мне нужна была чья-то помощь. Я думал, как бы это ощущение изобразила Химэ-тян.

— Что? — Что-то. Было у меня где-то в глубинах сознания. — Нет, забудь о викторине. Извини, что она была такой унылой. Но правда, это такая чертовски странная школа...

— Правда? Мне это очень нравится.

— Тебе не кажется, как всё сложилосьбы, будь у тебя обычная жизнь?

— А как другая жизнь позволила бы мне с такой пользой применять мои тактические способности? — бестрепетно улыбнулась Сиоги. — У твоего «бездействия» тоже мало мест, где оно будет полезно. Я вот хотела спросить: ты ходил в обычную старшую школу?

— Нет. Я даже обязательное образование не получил. А после... — Наверно, она знала об ER3, но, наверно, будет лучше не упоминать об этом. — Я получил среднее образование, а теперь я первокурсник в университете Рокумэйкан.

— Не врёшь?

— Я тебе не вру. Я просто не рассказываю всё.

— А когда ты пытаешься кого-то надуть, то считается ли это как то же самое?

Этот разговор достоин тактика и шарлатана, независимо от времени, места или обстоятельств. Ложь, обман, притворство, искажение фактов, накидывание говна на вентилятор, подмена понятий, увиливание от ответа. Чёрт, мы будто вели разные разговоры.

— У тебя есть грёзы о будущем, Сиоги?

— Грёзы? Нет. Для меня в будущем только реальность. Так что, наверно, я получу работу в «Правиле», если я смогу продержаться до «выпуска».

— Получить работу, да... Да кого ты надуть пытаешься? К чему это ведёт, к становлению Чжугэ Лянем? Или Ганнибалом? Должен сказать, я думаю, что девичье счастье кроется где-то в другом месте.

— Ух ты. Это до жути устаревшее мнение. Ты что, хочешь сказать мне, чтобы я стала домохозяйкой?

— Я не это хочу сказать. Я говорю, что ты в итоге станешь несчастной, если пойдёшь в подобное место. И это твой выбор... По сути, только ты будешь знать, что для тебя значит счастье. Но важнее другое. — Идя по лестнице на последний этаж и по коридорам, я, мешая без какой-либо причины, задал Сиоги ещё один вопрос. Но мне действительно хотелось задать ей именно этот вопрос. — Если я тебя действительно приведу к тому месту, где сейчас находится Айкава-сан, то что ты будешь делать? Я ни за что не поверю, что тактик вроде тебя будет бороться с сильнейшей частницей человечества без какого-либо плана, но я и не думаю, что ты сможешь как-то одурачить «Грязную дюжину» в лице этой женщины.

Против Айкавы-сан не получится опереться на какое-то материальное превосходство. И прибегнуть против неё к жульничеству или подковёрным интригам тоже не выйдет. Даже этот шарлатан не может придумать хотя бы один способ навредить ей. Как я сказал Сиоги, Айкава-сан может хватить любезности для того, чтобы слегка удивиться, узнав, что я «предал» её, но она быстро превратит это удивление в позитивную энергию. Настолько она сильна.

— Одурачить — нет, а применить стратегию — да, — сказала Сиоги, всё ещё полная уверенности. — Убийственная Алая, может, и сильнейшая частница, но это не делает её сильнейшим человеком в мире, и именно этим я воспользуюсь.

— Хм.

— Может, мой враг сильнейшая в мире, но моё имя Сиоги Хагихара. Сам дьявол должен достать номерок, чтобы увидеться со мной. Я не играю честно, так что смотри на то, как я устрою явную внезапную атаку.

И что это значило? Она собиралась обхитрить Айкаву-сан? Она искала её потайную слабость? У этой женщины нет никаких комплексов, не говоря уже о слабостях или противоречиях, так что это наверняка займёт немало времени—

И тут до меня дошло. Ну конечно. Та запертая комната. Я снова стал думать о ней. Всё равно, неважно, как тщательно убийца подходил к созданию той загадки, ему противостояла Дзюн Айкава. У Дзюн Айкавы нет слабостей, нет противоречий, и для неё нет ничего невозможного или невероятного. Лишь нелогичное. Столкнувшись с какой-то устаревшей загадкой запертой комнаты, Дзюн Айкава будет своя в доску. Даже если правда будет в том, что «дверь не была заперта», разницы никакой не будет. Ничто не проходит через Дзюн Айкаву.

Но Айкаве-сан ещё предстояло всё раскрыть.

— А как...

А как это возможно? Разве это не самая нелогичная вещь на свете? Для сильнейшей частницы человечества столкновение с такой мелочью будет лишь означать, что кто-то жульничает. Профессиональный детектив, неспособный распутать дело, серийный убийца, не убивающий людей, носитель бессмыслицы, действующий от имени незнакомцев, — всё это изобиловало противоречиями.

И если да — нет, однозначно да, потому что это так, то не мог ли тот расчленённый труп владеть очевидным ответом? Тело Ной Оригами, изрезанное бензопилой, словно зигзагом.

Воссоздание... примерное выражение... адаптация... и сборка.

Затем я мысленно дошёл до чего-то ещё более важного. К обману настолько непреодолимому, что что-то вроде запертой комнаты меркнет на его фоне. Идя к решения обратным ходом, я пришёл к чему-то более фундаментальному.

Ответ Сиоги в тот момент, когда я спросил, что действительно стояло за смертью Тамамо.

Не смеши меня. Я на такое не способен. Только «Зигзаг» могла такое провернуть. Это «не смеши меня».

Она приняла это как должное, насколько бы запутанным это не было, и я это знаю. А если так подумать, то Тамамо говорила как-то так же. Если здесь есть диссонанс, если смысл наших пересёкшихся путей был в том, что ученицы по имени Юма Сисэй никогда не было—

Если.

Я уже знал Зигзаг, если учесть не то, почему я не понял, а то, почему я не смог понять, то это всё ложь.

Обман.

— Б-быть того не может.

Это сказала Сиоги, а не я. Она встала где-то за мной, и её лицо стало белым, как мел. Её глаза стали пустыми. Она выглядела ошеломлённой, будто она в отчаянии. Удивлённый такой резкой сменой её поведения, я тут же перестал думать.

— Что не так, Сиоги?

— Э-эта викторина... она была о Директоре?

— —!

Сильное сожаление. Чёрт, она всё поняла.

Конечно, поняла. Если кто-то вроде меня смог дойти до этого «решения», то не было ни единой причины, по которой Сиоги Хагихара, лучший тактик в этой академии, не смогла бы дойти до него. И именно я дал ей всю необходимую воодную информацию для этого. Работая в обратном направлении от своих же слов, от моего подхода и не такой уж и невинной викторины, она поняла, что произошёл инцидент и какой это был инцидент. Обратные операции были тактику

под силу, но не шарлатану. Сколько бы я не напоминал себе, что она эксперт, я всё же недооценил её. Её способность всё понять при таком скудном наборе данных.

Какой ум.

Ум настолько невезучий, что мне хотелось рыдать.

— Но... не может быть. Директор... рация.

Двигаясь как призрак, она слегка улыбнулась. Шатаясь без какой-либо обычной для неё грации, Сиоги подошла ко мне, будто в поисках спасения. Будто она хотела, чтобы я взял её на руки.

Я не знал, что делать. Соврать? Если я сейчас совру ей, то поверит ли она мне? Даже если я смогу повлиять на неё, то получится ли у меня исказить правду, которую узнала Сиоги? Нет, вопрос был не в том, получится у меня или нет. Вопрос был в том, стану я это делать или нет.

Навешу ли я ей ещё больше лапши на уши, чем до этого, даже если это не бессмысленно?

— Скажи мне... моя... — замолчала Сиоги, едва дыша. — Моя мама—

— Да. Её убили, причём давно.

Шарлатан не соврал.

2

Но по-настоящему Сиоги ужаснулась мигом позже.

Послышался приглушённый звук, похожий на звук заведённого двигателя, и тут же правая ладонь Сиоги, которой она вот-вот схватилась бы за передник моей блузки—

Оторвалась от её запястья, как падающая часть игрушки. Сама ладонь, потеряв точку опоры, комично завертелась в воздухе, прежде чем с грохотом приземлиться на полу тускло освещённого коридора.

— Эм.

Сиоги изумлённо уставилась на свою отрубленную кисть. Затем она посмотрела на свою правую руку, которая теперь резко заканчивалась чуть ниже запястья. Она не закричала и смогла сдержать слёзы. Она продолжила смотреть уже не на свою руку и оернулась.

Там было слишком темно, чтобы можно было что-либо разглядеть. Глубокая, пугающая чернота. Из неё появилась девочка в чёрной форме—

— Похоже, шалость удалась— — Послышалось с её стороны.

— Госпожа Дзюн была права: мы все «оказываемся в собственной паутине». Правда, как же плохо. Это было невероятно. Было так много неожиданностей. Были Хагихара, Сайдзё и вы, Мастер. Как жаль. Я поняла, что госпожа Дзюн может прийти с подмогой, но... Я не подумала бы, что придёт кто-то вроде вас.

Грустно улыбаясь, вышла Итихимэ Юкарики.

— Гх, а-а—

Несмотря на то, что ей отсекали кисть, Сиоги без раздумий набросилась на Химэ-тян. И она сделала это, несмотря на то, что расстояние между ними было далеко не девять предусмотренных шагов. На такой дистанции она не ровня Химэ-тян. Зигзаг.

Химэ-тян осторожно наклонила голову, будто говоря: «У меня нет выбора», — и показала кисти, на которые были надеты чёрные перчатки.

— Мы все «оказываемся в собственной паутине», но...

Она повторила свой жест: жадно подняла палец вверх и опустила его.

— В этот раз ты попала в мою паутину. Твоим планам настанет конец, Сиоги. Я тебя разрежу. Вжух — думая, услышал ли я этот звук, я увидел, как тело Сиоги замерло в воздухе, но лишь на миг. Моргнув, я увидел, как её тело разрезало на зигзагоподобные куски, похожие на кусочки пазла. Словно падающий кирпичный дом, её голова, грудь, живот, плечи, руки, кисти, пальцы, бёдра, ягодицы, ноги и ступни превратились в идеально ровные кольца разных размеров. Куски тела Сиоги разбросало по полу, и уже после это из них пошла кровь.

Я уже второй раз сталкиваюсь с этим, так что я смог всё это разглядеть. Эти очень тонкие «нити», дёргающиеся в воздухе, словно живые существа. От которых кровь блестит. От которых тьма блестит. И вновь раздался звук: вжух-вжух.

Звук Химэ-тян, наматывающей нити.

— В конце концов, одной лишь тактикой не сдержать Зигзаг, сэнпай. Если бы вы хотели выжить, то вам нужно было отрезать мне руки и ноги в неожиданной атаке, как вы сделали это в первый раз, или сразиться со мной снаружи, где свои «нити» я могу использовать лишь напрямую. У тебя было два варианта, и ты упустила оба, и именно поэтому ты проиграла, Хагихара.

Затем она продолжила:

— Однако, я не понимаю-с этого... С чего бы тактику вроде тебя идти прямо на «вражескую» территорию? Ты открылась, как старшеклассница из подросткового ромкома... Не то чтобы мне не всё равно.

Закончив говорить всё это лежавшей на полу отрубленной голове Сиоги, Химэ-тян повернулась ко мне и одарила меня своей широкой, грустной улыбкой.

— Мне кажется, что я должен поблагодарить меня... но не очень-то похоже всё это на то, что ты спасла меня, — подчеркнул я.

— Не похоже, да, — кивнула Химэ-тян. — Просто Хагихара всё поняла. Химэ-тян до последнего не хотела убивать никого из учениц—

— Но ты уже убила одну. Тамамо.

— Да. Точно. — Она совершенно забыла об этом. — Да, убила. А свидетели тут ни к чему.

Точно, Зигзаг. Когда мы спускались на улицу из окна здания школы, она сделала вид, что

пытается привести в порядок «нити», но на деле она просто дёрнула за нити, которыми она обернула голову Тамамо, пока мы ещё были там.

— Но она успела связаться с Хагихарой, так что было уже поздно.

— ...А слабого рывка хватит, чтобы отсечь человеку голову? Ты на силачку не тянешь.

— Конечно. Дело вот в чём, Мастер: Химэ-тян не нужно быть «сильной». Трение. Давление, притяжение, гравитация, магнетизм. Напряжение, стресс, сопротивление, эластичность, центробежная сила, центростремительная сила. Действие, противодействие, принцип действия колебательного контура и принцип действия шкива, коэффициент отдачи и коэффициент трения, — наш мир наполнен силами, которыми можно воспользоваться. Химэ-тян не нужна собственная «сила»—

Она щёлкнула пальцами. Было тяжело разглядеть это в полумраке, но вокруг её перчаток было обернуто несколько десятков «нитей», слой за слоем, одни слои на других, которые были обернуты вокруг третьих, словно у кукловода, скорее как у иллюзиониста даже—

Стелко окна за мной без единого звука треснуло.

— Убить человека достаточно просто.

Да. В этом вся суть паутины и такча.

— Ты та ещё растяпа, Химэ-тян. Значит, Зигзаг — название твоей техники... Я выдвинул неправильное предположение... слегка недопонял, но ты воспользовалась этим. Ох, какую же запутанную паутину мы плетём. Должен сказать, ты меня одурачила.

— Я не дурачила вас, хоть я и всоврала вам.

Ага, одно и то же.

— Когда я спросил у тебя о «Зигзаге», мне показалось странным, что ты так много смогла рассказать. Ты отвечала уклончиво на все остальные вопросы и всегда настаивала на том, что ты ничего не поняла.

Сказать мне, что «Зигзаг» использовала одий примечательный предмет... было всего лишь ещё одной уловкой Химэ-тян. Её сети были весьма хороши. В руках профессионального ткача любая нить, какой бы хрупкой она не была, могла оборвать чью-нибудь жизнь или типа того.

А её описание перчаток тоже было уловкой, в которой была доля правды. Если так подумать, то их не нужно было носить круглые сутки. Если использовать нити с более обычной целью, то можно было бы всё сделать голыми руками, если, конечно, не нужно никого убивать, как сейчас.

Отступление... тоже не рассматривалось, поскольку все эти «нити» уже наверняка были беспорядочно натянуты по всему коридору, как паутина паука. Большая часть из них невидима для невооружённого глаза (она намеренно использовала и те, то разглядеть, и те, что нельзя, определённо), но я был точно уверен в том, что они здесь есть. Подтвердив по рации, что мы были в этом здании, Химэ-тян направилась к нам. Она поставила ловушку и села ждать.

Это была зигзагообразная «ниточка» в большом масштабе. Легче сказать, чем сделать: нужно уследить за положением и натяжением каждой нити, настроить промежуточные шкивы, учесть

вещи, которые должны будут коснуться нитей, как и то, что коснуться их не должно, и вдобавок к этому управлять всем этим кончиком пальца. Снаружи не то, что внутри: столько подводных камней и мест, которые можно было бы использовать как шкивы для «нитей». «Зигзаг» действительно бесподобная и бесконечно адаптируемая техника боя. Не удивительно, что те четыре девочки, схватившие её, даже взгляда на меня не бросили. Если я и думал, почему Тамамо потеряла внимание ко мне и дала мне время для контратаки, среагировав лишь на голос Химэ-тян, то вой и ответ на мой вопрос: стоило более профессиональному берсерку войти, как Тамамо тут же отвела голову от меня и не смогла отвести её обратно. И теперь было полностью понятно, почему Сиоги устроила засаду во внутреннем дворе.. Хорошая видимость была ахиллесовой пятой Химэ-тян.

— Хм-м, теперь всё сходится...

Как только мы с Сиоги пришли на этот этаж, мы попали в паутину.

— И именно ты убила Директора, да?

— Да, — согласилась она, будто это ничего не значило, и продолжила, будто так и есть: — Мастер, поскольку вы всё поняли, не считая «Зигзага», то мне придётся убить вас.

— Потому что я всё понял? Ты действительно считала, что никто никогда не узнает правду?

— Считала. Надеялась даже. Мне хотелось-с, чтобы всё было так. Я даже молилась на это.

— ...

— Типа, госпожа Дзюн добра к своим друзьям. Поэтому она никогда бы не заподозрила в этом Химэ-тян.

Единственная слепая зона на глазу Дзюн Айкавы. Не «предательство», а «ложь».

Эта женщина без каких-либо сомнений доверяет своим друзьям.

— Но это лишь слепая зона, а не слабое место, — сказала Химэ-тян грустным тоном. — Послушайте... вы можете-с это вообще понять? Вы хоть догадываетесь о том, какую жизнь вела госпожа Дзюн? Мир, в котором все обманывают всех, в котором ты убиваешь человека, стоящего перед тобой, прежде чем решить, кто он, — в таком мире жила она, видя лишь грязную сторону человечества, но она всё ещё без раздумий доверяет другим. И даже на миг ни в чём не подозревает Химэ-тян.

Химэ-тян будто стала слабо задыхаться, но она точно не плакала. Она пялилась на меня, как наблюдательная сторожевая собака.

— Для людей вроде Химэ-тян это просто оскорбление. Неважно, насколько Дзюн Айкава особенная, она больше остальных стараться быть на равных с другими. И то, что я вижу перед собой, суть бытия сильным, наверно. Химэ-тян никогда не смогла бы так же. Я даже сомневалась в вас до самого конца, Мастер. Когда вы сказали: «Предоставь это мне,» — я заподозрила, что вы нас сдаете.

То есть за мной она пошла не из сомнений. Тем более, когда она в первый раз пришла ко мне, после того как я покинул кабинет Директора, она сделала это для исключения рисков. Всё это было ложью, от и до.

Когда она плакала, когда пыталась меня удержать, когда пришла за мной, когда спасла меня.

Даже когда она улыбалась мне.

Она просто играла роль девочки, типаж которой был мне по вкусу.

— Но-о-о, — заявила Химэ-тян, — другие люди невероятны, не правда ли! — Она засмеялась, волей-неволей имитируя свою чистую улыбку с натянутой весёлостью, хотя получилось не более чем искажённое подобие улыбки, больше похожее на искривление её рта. — Они предают тебя за мелочи, обманывают тебя и принижают. Они без раздумий обманывают других. Они могут избить кого угодно в любой момент, когда им захочется, хотя они знают, что им будет больно, причём именно потому, что они знают, что будет больно. В целом все, все люди ненастоящие.

— Одиноко ли быть такой одинокой?

— Да, одиноко, — немедленно ответила она. — Одиноко, но я лучше проживу свою жизнь в одиночестве. Предавая, обмыная и принижая. Я проживу-с свою жизнь в одиночестве.

— Тогда... всё, получается.

— Если мы продолжим-с разговаривать, то я могу расчувствоваться, поэтому пора со всем этим покончить.

Химэ-тян вытянула палец. В этот же миг по моему телу прошёлся неприятный холодок. Ага, так что какими были ощущения от нитей, оборачивающих тело. Теперь всё стало ясно. Другими словами, то ощущение, которое я почувствовал ещё тогда, когда встретился с ней в кабинете класса А второгодок, было вызвано именно этим. Я одной ногой был в могиле ещё с нашей первой встречи? Тогда получается, что я не был в бреду, когда почувствовал, как дрожит тот шакфчик, и это также объясняет, почему мои ноги внезапно сплелись. Там определённо были невидимые нити, протянутые через тот кабинет.

Я труп.

Тогда — из-за её настороженности. Сейчас — из-за того, что я слишком много узнал.

— Я скажу госпоже Дзюн, что Мастер пошёл впереди нас или типа того. Ладно, пока-пока. Пора попрощаться, Мастер.

— Если тебе так симпатия нужна, то для меня уже слишком поздно, знаешь ли.

Палец, который вот-вот должен был сомкнуться, остановился.

— Вы... что-то сказали-с?

— Похоже, я впервые говорю об этом. Ты... до одури похожа. На девочку, которую я уничтожил, когда она была маленькой. Та девочка была добродушной, она всегда улыбалась, никогда не злилась и не подозревала никого ни в чём. Золотце. Она прощала всех, несмотря ни на что, и, помимо этого, она была достаточно доброй, чтобы полюбить меня.

— Тогда, получается, мы вообще не похожи? — пробубнила Химэ-тян, потупив взгляд. Она продолжила: — Химэ-тян не хорошая девочка. Это так поверхностно. Я с подозрением отношусь ко всем и всегда злюсь. И я никогда не влюблялась. Всё это игра. Постановка,

сборник лжи. Я просто игралась с вами. Такой человек... вообще ведь не существует?

Она не была, как она, она просто так действовала. Ибо такого человека не существует.

— Да. Я тоже так думал. Я говорил себе, что такой человек не должен существовать. Именно поэтому я уничтожил её. Доброжелательность — ложь, доверие — притворство, поэтому я всё это растоптал.

— ...

— Мне стало после этого так спокойно. Это лучшее чувство из всех. Просто думая об этом, я чувствую себя так, будто солнце вот-вот выйдет. Наверно, это люди имеют ввиду, когда они говорят о счастье. И... я попал прямо в яму сожалений. Я уничтожил нечто аутентичное и незаменимое. И та девочка не была сильной, как Айкава-сан. Человек, любивший меня, был обманут мной. Для неё это могло быть лишь концом, и я знал это или должен был—

Почему я говорил об этом, о своих грехах?

Это было раскаяние? Нисколько. Искушение? Не особо. Да, я просто надеялся на возможное изменение всего, только и всего.

Потому что разговор, который у нас произошёл, когда она пришла за мной, не был неискренним, даже если она не из добрых побуждений сделала это. Даже если её слова была направлены ей, а не мне.

— Химэ-тян сказал, что всё это были враки. А я думаю, что они были правдой.

Но, честно, честно-честно, без шуток.

Если этот мир был именно таким, каким описала его Химэ-тян, каким его считаю я, то тогда мы сможем пройти по нему без невыносимых страданий.

Разве ты не видишь?

Даже если то, как ты дрожала, когда защищала меня от Сиоги, было постановкой, даже если это было ложью, то в этом мире нет ничего, кроме лжи. А если всё — ложь, и нигде нет ни капли правды, если нет никакого смысла сравнивать, то тогда это то же самое, что сказать, что всё — правда.

— Почему ты убила Директора?

— Того факта, что она была директором этой академии, недостаточно? Вам стало бы лучше, если бы Химэ-тян подвергли-с всевозможным пыткам и лишениям? Если бы моих друзей убили? Если бы меня изнасиловали? Если бы у меня забрали что-то важное? Стало ли бы это для вас совершенно нормальным, практически идеальным концом для меня? По-вашему, я идиотка? Убийство кого-то не так работает, Мастер.

Девочка-подросток читает мне нотации о смысле убийства. Семнадцатилетняя девочка, рассуждающая о тонкостях преступления и наказания. Это совершенно не нормально. Настолько ненормально, что это было тяжело принять даже в рамках этой академии, известной как «Старшая школа висельников».

— Тогда позволь мне задать другой вопрос. Ты убила Директора потому, что ты хотела уйти

отсюда? Или ты решила уйти отсюда в рамках плана по убийству Директора?

— И то, и другое, и в то же время ничто из этого, — холодно ответила Химэ-тян. — Я хотела уничтожить эту школу. Я хотела вырвать её с корнями, одним махом разнести тут всё так, чтобы ни одной травинки не осталось, ни следа, ни намёка на воспоминания о том, что здесь было.

— Когда мы впервые наткнулись на тех двух девочек, ты сделала это специально? Именно поэтому ты ничего не сказала мне сразу.

— Верно, ибо мы не смогли бы попасть в кабинет Директора, если бы у нас получилось сбежать. И я была почти уверена в том, что именно так поступила бы госпожа Дзюн.

— И пока мы убегали, пока ты тащишься за мной, ты вытащила карту академии из моего кармана.

— Будь у вас карта, мы бы не смогли-с потеряться.

— И ты не воспользовалась «Зигзагом», чтобы расчленив Директора, потому что Айкава-сан заподозрила бы тебя, если бы ты так сделала.

— Ага. Можно заставить поверить в другое, но зрение не проведёшь.

— Так ты одурачила её, взяв бензопилу, чтобы расчленив ей тело.

— Вы будто были-с со мной в комнате.

— И ты одурачила Сиоги и её отряд, притворившись Директором во время разговора по рации, чтобы у тебя получилось отвести их куда нужно, как пешек, и заставить их делать то, что тебе нужно.

— Точно. Но они ведь не сделали то, чего хотела я.

— Тогда, эм, остаются некоторые загадки, но всё это сходится на поверхностном уровне. Так давай уже перейдём к делу, Химэ-тян. Давай поговорим о будущем.

— О чём? — с сомнением в глазах посмотрела на меня Химэ-тян. В её зрачках отражалась бушующая буря чрезмерно негативных эмоций. Не то чтобы мне было не всё равно на то, что меня убьют, не то чтобы такое бездействие не было совершенно бесполезным, мне было всё равно... — О будущем?

— Так я и сказал. Дербмово, когда будущее размытое, не так ли? Неопределённость — отстой... не так ли? Все ведь хотят светлого будущего?

— Чт-что—

— Так или иначе, тебе будет некуда идти, если ты уйдёшь отсюда, не так ли, Химэ-тян? Так почему бы не пойти со мной? Мой дом не в лучшем состоянии, но так уж получилось, что там сейчас есть пустая комната на первом этаже. За аренду просят поразительно доступные десять тысяч иен в месяц. Ванной нет, но неподалёку есть общественная баня. Не скажу, что здание отличное, но там весело. И жители там крутые, и они — те самые люди, с которыми уютно. Поверь мне на слово. Сперва я представлю тебя Миико Асано, она мечница. Миико немного старше меня, она по-настоящему достойная леди и заботится обо мне. Я уверен, что ты ей

очень сильно понравишься.

— Вы... вы—

— На последнем этаже живёт старый христианин. Я не знаю, как его зовут, но он прикольный дед, и он рэпер. На него забавно просто смотреть. Но он опасен, так что не подходи к нему слишком близко... Ещё есть брат и сесра, Моэта Исиаги и Хоко Ямагути. Их не забудешь Моэта — задиристый тип, а его сестра скромная. Если ты ей понравишься, то тебя одарят.

— Что вы—

— На первом этаже живёт студентка, которая совсем недавно въехала. Она стала бы твоей соседкой, Химэ-тян. Она учится на третьем курсе в университете Росиана, а зовут её Нанами Нанананами. С ней хуже всего: она очень нервная. Было бы очень приятно, если бы твоя беззаботность смогла слегка её успокоить.

— О чём вы гово—

— А моя комната на втором этаже, заходи в любое время. Что касается школы, то дай ей шанс, ибо не думаю, что тебе будет чем заняться. Если ты хочешь быть хорошей девочкой, то не всякий день будет воскресеньем. С таким подходом ты никогда не найдёшь работу, так что посмотрим. Думаю, тебя получилось бы перевести. Тебе, наверно, будет трудно поспевать за остальными после этой тупой академии, но здесь в игру вступаю я. Я присмотрю за тобой и буду твоим наставником. Может, тогда это слово начнёт хоть что-то значить.

— —рите—

— И мы все будет так веселы, все вместе.

— О чём вы говорите! — наконец-то закричала Химэ-тян. — Вас сейчас нарежут зигзагом! Так что всё, всё, что вы говорите и что вы сказали, мне не нужно! Слышать не хочу! Нет, нет никакого будущего! Никакого будущего для Химэ-тян!

Умение думать о будущем доказывает наличие у человека свободы действий. Если проживать каждый день, как последний, то времени на подобные мысли не будет.

Каждый день, как последний. Ты всё равно умрёшь, что ни делай.

— Так ты пойдёшь ко дну вместе с этим кораблём? Двойное самоубийство с этой тупой школой? Это всего лишь детский эгоизм. Что же мне делать, будучи охваченным гнилыми мыслями какой-то девчонки?

— Вы сказали «гнилой девчонки»?

— А я неправ, что ли? Ты делаешь всё способном трусливым и гнилым, но важнее то, что ты милая девочка. А это намного лучше, чем быть гнилым парнем вроде меня, и ты всё равно выбрасываешь своё будущее... Именно поэтому ты не хотела, чтобы тебя ненавидела именно Айкава-сан? Потому что она женщина? Ты не хотела, чтобы именно Айкава-сан подумала о тебе, как об «убийце». Тебе было наплевать на всех, кроме неё... и если бы всё кончилось, то ты, думаю, захотела бы оказаться опo итогу с ней? Сентиментальность, романтизм или старый добрый героизм... что бы это не было, оно очень далеко от моего любимого стоицизма. Честно, я слегка разочарован. Тобой.

— Что вы— да что вы вообще об этом знаете! — Теперь Химэ-тян плакала. По-настоящему. И она не пыталась скрыть их, крича на меня, будто она обвиняла меня. Её голос был таким громким, что мне казалось, что её горло вот-вот разорвётся. — Не разговаривайте со мной так, будто понимаете, что я чувствую! Да что вы знаете о чувствах той, кто привыкла убивать!

— По крайней мере, я знаю, что ты плаксивая маленькая девочка. Как итог, тебе просто страшно, как и остальным. Ты испугана, потому что ты не знаешь, примет тебя Айкава-сан или нет. Тебя настораживает тот факт, что Айкава-сан доверяет тебе. Поэтому ты и проверяешь её доверие таким образом.

Я понял её чувства, словно они мои. Я понял их так же, как я понимаю свои.

Я понял их, как и свои.

— «Что я сделаю, если Дзюн Айкава возненавидит меня,» — и «даже если она не возненавидит меня», «если я так не ценю себя до такой степени, что меня не стоит ненавидеть, несмотря даже на то, что я сделала всё это»—

— Ха-ха-ха... — Внезапно с лица Химэ-тян быстро сошли все эмоции: и позитивные, и негативные, как и жизнь со смертью. Её лицо стало абсолютно противоположным, совершенно бесстрастным. — Большое вам спасибо, Мастер. — Эти однозначно пустые слова благодарности сошли с её губ. — Перед самым концом мне должен присниться хороший сон.

И, подобно дирижёру в оркестре.

— Так вот в чём дело... — сказал я. — Похоже, что всё.

Конечно, нет. Как кто-то вроде меня, кто-то, кто не может даже присмотреть за собой, присмотреть за кем-то ещё? Ошибка природы. Не это ли настоящее бездействие?

Я показал бы ей хороший сон—

Но если реальность дерьмовая, то в этом нет никакого смысла. Бездействие.

— А, точно. Я всё ещё не знаю, как вас зовут.

— ...

Я вновь сморозил чушь, прямо в самом конце. Несмотря на то что несколько секунд назад я пытался спасти эту девочку... теперь я думал о том, как её уничтожить. Я не мог решить: стоит ли мне толкнуть девочку, качающейся на краю пропасти? Если я могу её уничтожить, то я, наверно, должен это сделать. От этого наверняка станет хорошо.

От стирания с лица земли этой милой юной леди.

— Раз уж всё пришло к этому, то я больше не могу называть-с вас Мастером... Я окажу вам честь, назвав вас по имени. Так что прошу, скажите его мне.

Сказать моё имя. Назвать своё полное имя тебе. Ты хочешь вздёрнуть все свои мелкие зигзагнутые нити до последней?

— Ну...

Но я этого не сделал.

Это уже и не нужно было.

— Похоже, я потянул время и дал вам переодеться.

— Что это? Это... ваше имя? — искренне спросила Химэ-тян. О-о-ох, какое добродушие. Все такие добродушные. Я чуть ли не злодеем себя ощущаю от такого.

— Просто говорю с самим собой, Химэ-тян... Не переживай из-за этого. И ты сама назвала его.

— Что? — Химэ-тян прищурила глаз. — Видите ли, Химэ-тян спросила, как вас зовут—

— Я тоже говорил это, как и Сиоги, но именно ты сказала это первой, Химэ-тян. Дзюн Айкава добра к своим друзьям.

— ..?

— Да, я по собственной воле ушёл из кабинета Директора... но именно она привела меня сюда, в «Старшую школу висельников». Так что не думаешь ли ты, что этот конец был бы одиноким, что ли, если бы она не пришла спасать меня?

— ..!

Химэ-тян обернулась. И перед её глазами—

Яркая, как сульфид ртути в пламени кармина. Алая, как пролитая кровь, алый цвет самой преисподней.

Там просто стояла частница.

На лице которой была циничная ухмылка.

<http://tl.rulate.ru/book/4792/4427299>